

О ЧЕМ НЕ ГОВОРЯТ МУЖЧИНЫ
ГРИГОРИЙ СЛАВИН

ЧУМОВОЙ
РЕЙС

О чем не говорят мужчины

Григорий Славин

Чумовой рейс

«ЭКСМО»

2012

Славин Г.

Чумовой рейс / Г. Славин — «Эксмо», 2012 — (О чем не говорят мужчины)

У бизнесмена Григория – беда. Он узнал, что жена ему изменяет. И не просто изменяет, а собирается отплыть с любовником в круиз на комфортабельном теплоходе. На его просьбу о помощи тотчас откликнулись верные друзья: Гера, Слава и Антоныч. Вчетвером они проникают на борт лайнера, но там узнают, что неверная жена посажена любовником под замок и перспективы у нее совсем не радужные. Другьям тоже приходится несладко: в историю супружеской измены вдруг оказался замешан кровожадный олигарх Марецкий. И его личной охране просто не терпится вышвырнуть друзей за борт. Но дело вдруг принимает неожиданный оборот...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	20
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Григорий Славин

Чумовой рейс

Глава 1

Когда Гриша был молод, жил он в общежитии железнодорожников и коллекционировал бабочек. Улыбками природы была украшена вся стена со стороны Гришиной кровати. Поймает бабочку, проткнет иголкой и любит. Не койко-место, а рай. У другой стены стояла вторая кровать, и спал на ней проводник поездом Новосибирск – Алма-Ата. Владелец кайзеровских усов и всегда влажных от желания глаз, в дни отдыха днем он пил вермут, а вечером приводил женщин. Вообще, женщин они водили в комнату по очереди. Четыре дня подряд водил проводник, а пока он продавал путешественникам водку в вагоне, один раз приводил, если везло, Гриша. Над чем плакали многочисленные женщины проводника, было неизвестно, редкие Гришины плакали от умиления. Одно дело предаваться плотским безобразиям в общежитии для лиц без постоянного места жительства, и совсем другое – в окружении бабочек. Бабочки на стене – это как розы на постели.

Единственный, кто мог вмешаться в круговорот любви в районе, был комендант общежития. Первую тройку списка его врагов занимали гуляющие женщины, длинные мужские прически и небритые ланиты. Он был убежден, что триппер передается взглядом, а беспорядочные половые связи способствуют сходу локомотивов с рельсов. Бывший майор бронетанковых войск, он гордился тем, что был единственным военным советником, кто за время шестидневной войны Израиля с Египтом сумел получить контузию. Жил с женой на окраине, был верен ей как собака, требовал того и от окружающих. Карал за разврат люто. Все взятые в комнатах с бабами хладнокровно направлялись им в райком партии, где по два и более часа ожидали казни под дверью первого секретаря. Но потом появлялся там, говорил, что уладил, и чтобы – в последний раз. Статистику нравственности гад, видимо, портить не хотел. И отдавал ключи от комнаты, брезгливо отмахиваясь от червонцев.

Заподозрив в Грише неумение вызывать в женщинах желание возвращаться в комнату с чешуекрылыми, однажды по возвращении проводник объяснил Грише, что нужно делать. А делать, значит, нужно было вот что: проколоть гвоздем чехол от оружия любви. В образовавшуюся пробоину заложить шарик от подшипника и пару недель поливать йодом, ожидая, пока приживется. Этот тимирязевский подход Гришу насторожил, и он потребовал дополнительных объяснений. Из них следовало, что очень скоро шарик станет частью Гриши. Но это будет уже другой Гриша. Модернизированный. И все дело-то, оказывается, в отсутствии этого шарика. Потому-то у Гриши и проблемы со случайными связями – шарика нет. У проводника шарик есть, что он и доказал тут же. С шариком, сказал проводник, женщина испытывает ощущение ну как парашютистка. И не надо машин с открытым верхом и Черного моря. Скоро все женщины Советского Союза будут ходить за Гришей, как за поэтом Евтушенко. Выяснив, что лишнего шарика у проводника в кармане нет, Гриша, начинающий мужчина гуманитарного склада ума, угнал от гастронома коляску и разобрал колеса.

Ближе к вечеру он сел на табурет посреди комнаты, вооруженный гвоздем и молотком. Он мечтал о хлороформе, но в таком состоянии, вы понимаете, пробоину можно неизвестно где сделать. Поэтому просто оглушил себя стаканом оставленной главным сексологом общежития водки. Когда наркоз легкой икотой дал знать, что пора, приступил. Обозначил местонахождение причины будущих женских оргазмов гвоздем и взял молоток поудобнее.

То ли водка была паленая, то ли Гриша перевозбужден. Сейчас уже чего выяснять. Когда голосовые связки обессилели и повисли в горле тряпочками, Гриша понял, что попал. Попал

он крепко, потому что молоток в комнате имелся, а плоскогубцев в комнате не было. А гвоздь вошел хорошо, хоть снизу загибай. Гвоздь даже сам удивился простоте поставленной перед ним задачи. Не говоря уже о молотке.

Догадавшись, что из мата гвоздодер не сделать, Гриша успокоился и закурил. Боль действительно скоро прошла. Как проводник и обещал. Конечно, можно было выйти из комнаты, спуститься к завхозу, попросить щипцы или что-то вроде этого. Табурет был приколотен в полном соответствии с конституционными требованиями о свободе перемещения по территории СССР. Можешь идти хоть до Камчатки. Но завхоз обитает в подвале, словом, пройтись по четырем этажам без штанов и с прибитым к члену табуретом – изрядное удовольствие. Гриша понимал – идти может, но не может найти в себе внутренних резервов для объяснения всем встречным смысла созданной им архитектурной композиции.

Чиркая на табурете зажигалкой, Гриша ощущал себя наказанным Зевсом Прометеем. За изобретение устройства, не имеющего практического применения. На душе было легко и спокойно. Наркоз действовал. Будь он силачом Алексеевым, он вынул бы гвоздь рукой, будь йогом, наклонился и вытащил бы зубами. Но Гриша был гуманитарием, а они умеют только вбивать.

Была хрупкая надежда, что комендант занят. Например, пересчитывает простыни. Но он, понятное дело, явился. Как всегда, открыл неожиданно дверь своим ключом и вошел. А войдя, долго и пронзительно разглядывал табурет. Мигая правым глазом, как указателем поворота, строго потребовал отчета о проделанной работе. Обессиленно и равнодушно Гриша направил его в жопу. Комендант огорчился и заметил, что пожилой человек, и поэтому, когда Гриша говорит ему «ты», странное это производит впечатление. И еще сказал, что бывший боевой офицер, жизнь в танке лишила его прежней собранности, что, командуя батальоном, он, конечно, многое в нормальной жизни упустил. И что теперь современное общество ему приходится догонять семимильными шагами. Но экзальтации некоторых отстающих, кого в этой погоне настигает, он принять не может. И голосом оракула напомнил то, указывая средним пальцем (остальные не разгибались) на райскую стену, что еще полгода назад предсказывал: в природе диалектического материализма все взаимозависимо, а посему гербарий этот приведет Гришу к оппортунизму. А и действительно, сказал комендант, разве не прав он был? Чем это закончилось? Где в материалах XXVII съезда КПСС указано на то, что советский человек должен прибавать свой хер к стулу? И это даже не легкомыслие, сказал комендант, а саботаж, зиновьевщина и каменевщина. Не просто положить, но еще и забить на решение партии – это просто вызов, брошенный в многоликое лицо Центральному Комитету. Взял курс на ускорение, а о каком ускорении может идти речь в данном конкретном случае? Словом, тут разбираться нужно, и не на уровне первичной партийной ячейки, а с привлечением компетентных органов.

Жизнь кончена, признал Гриша. Он видел в кабинете коменданта охотничье ружье. Так вот, совсем не будет против, если комендант за ним сходит и по всем правилам военной науки выстрелит ему, Грише, между глаз. Гвоздь можно даже не вытаскивать. Мертвые срама не имут, пусть хоть хоронят с этим сраным табуретом.

Найдя такой исход даже лучшим, чем из Египта, комендант велел настроиться и никуда не уходить. Ушел и вернулся. Да не с ружьем, а с клещами и какой-то бабой, сумочкой похожей на представителя компетентных органов. Вынул из Гриши гвоздь и сказал:

– Ключ. И чтобы два часа тобой здесь даже не пахло.

Нашупав в кармане пятерку, Гриша отправился на поиски холодного «Жигулевского».

Шарик не прижился, Гриша после встретил Киру, и она приняла его без шарика. Антоныч и Слава о шарике вообще не узнали бы, когда бы не учился вместе с Гришей Гера. Стоя однажды в институтском туалете рядом, Гера случайным взглядом обнаружил неестественный цвет на молочном фоне Гришиного писсуара. На правах большого друга поинтересовавшись, что случилось с Гришиным маленьким другом, Гера узнал о случившемся. И тут же был при-

нужден к клятве, что история эта даже в виде шутки не всплывет в дальнейшем. Так о не прижившемся шарике узнали двое остальных.

Союз Гриши и Киры для Славы, Геры и побывавшего уже однажды в роли благочестивого мужа Антоныча был сомнителен. В смысле, пахло скорым разводом. Гриша, к слову, не очень-то и переживал. По лицу владельца СТО было видно, что он ждет этого события с надеждой на светлое будущее. Правда, после десятка лет жизни с одной женщиной он выглядел немного растерянно – кто знает, как теперь жить не с одной, а со многими, да еще без ротвейлера Гарри и придурковатого во хмелю тестя. Ротвейлер – тема отдельная, тесть – тоже тема отдельная, если бы не они, то Гриша, быть может, мучился бы до конца дней своих. Но эти два существа приближали развод стремительно. Ротвейлер не так уж виноват, это не он в гости к Грише ходил, а тот к нему, кроме того, есть пример того, как собака может человека сделать лучше и романтичнее. Но об Антоныче после.

Все началось с заявления Киры о том, что заболела тетка. Когда за десять лет тетка жены ни разу не упоминалась, а теперь вдруг она появилась и начала с болезни, в голову даже самого равнодушного к браку мужа начинает заползать сомнение: а была ли, собственно, тетка? В том смысле, что есть ли таковая? Ведь заболела бы просто она – да и пребудет с ней господь. Но она умудрилась захворать таким образом, что излечение ее напрямую связано с присутствием племянницы Киры. При этом у одра она должна находиться не менее недели.

– Я не понял, – заговорил Гриша, – ты же не врач?

– Не врач, – подтвердила хорошо подготовленная к разговору Кира.

– И не священник?

– И не священник.

– Тогда зачем ты умирающей тетке нужна?

– Ты не поймешь женскую душу, – и Кира заплакала.

Вообще, одну тетку Киры Гриша знал. Но это была другая тетка. Та тетка, о которой он слышал впервые, жила, то есть умирала, в Ростове. А когда Кира плакала, Гриша переставал быть правильным пацаном. Он превращался в гунявого лоха.

– Ну, если ты исцелишь родственницу, езжай, – согласился он. – Там зачтется.

Кира посветлела и рассказала мужу, где что лежит. Села на поезд и уехала. Этим утром. Гриша собрал друзей в кафе и все рассказал.

– Во-первых, – внимательно выслушав, взял слово первым Антоныч, – нужно выяснить, действительно ли в Ростове находится умирающая. Во-вторых, я не понял, в какой момент и при каких обстоятельствах прозвучало сообщение о смертельном заболевании.

Антоныч – бывалый муж. В том смысле, что был однажды. Он расстался с бежавшей в Америку с капиталистическим профессором женой и теперь, спустя годы, считался в их компании специалистом по разоблачению женского коварства. Уйдя, бывшая оставила ему джек-рассел-терьера Витька – вора и придурка, записку и квартиру. Первые три дня кардиолог стрелял шампанским, потом ему взгрустнулось. А после он помудрел и стал просто жить. По всему выходило, что пройти этой дорогой предстоит еще одному из них.

– Узнать, куда она взяла билет на поезд, мне не составит труда, – сказал Гриша. – Мой бывший комендант общаги сейчас в управлении материально-технического обеспечения РЖД. Или как там у них должность главного завхоза всех железных дорог называется? А вот известие прозвучало после очередного похода в гости к ее родителям. Сразу после Гарика.

– После кого? – вмешался Слава в разговор женатиков.

– После Гарика.

А случилось, значит, вот что.

Ничто не угнетает Гришу сильнее мысли о смерти и ужина у тещи. По заведенной каким-то впечатлительным невротиком традиции зять должен бывать в доме родителей своей жены. По той же традиции родители жены обязаны появляться в доме зятя.

– Только не пей там, – тревожно попросила Гришу Кира.

Гриша не алкоголик. В реестре его необходимых потребностей огненная вода расположена в последней трети списка, где-то между флюорографией и заменой масла в двигателе. Это значит, что пьет он очень редко, что вовсе не означает, что мало. И по странному и трагическому стечению обстоятельств это случается именно тогда, когда происходит встреча с папой и мамой Киры. В семьях, где читают Платонова и почитают Хворостовского, это называется визитами вежливости. Люди кушают, выпивают, говорят, пьют растворимый кофе и расходятся после трогательных поцелуев. В нашем случае все обычно завершается тем, что либо Гриша вылетает из квартиры, поправляя воротник, либо тесть. Даже не напрягая память, Гриша уверенно сказал сейчас в кафе: «Могу уверенно сказать, что попить кофе в гостях у родителей Киры мне не удалось ни разу. Хотя пахло».

– А как же мне это объяснить? – спросил он Киру, прилаживая галстук под торчащий колом воротник и уже чувствуя, что хлопоты это пустые, поскольку скоро он все равно будет мят.

– Скажи, что за рулем.

– В окно будет видно, что мы приехали на такси.

Родители Киры переехали в новый дом, где еще не закончилась стройка. Адреса Гриша не знал, да и ставить свою машину под стрелу, на которой бы висел поддон с лопатами, не хотелось. Хотелось чужую.

– Тогда скажи, что принимаешь таблетки и пить тебе нельзя.

А Грише, как назло, известна только одна причина такого взаимоисключающего явления. Сказать им это за столом? Прикрыть вежливо так рюмочку ладонью и, наклонив голову и глядя тестю в глаза, проговорить отчетливо, голосом Баталова: «Простите, папа, но сегодня никак. Гонорея».

– Не забудь телефон, – напомнила Кира.

И Гриша тут же его забыл.

Обычно от визитов вежливости он отбивается до последней капли крови. Но вчера не удалось. Знаменательное событие: ее родители переехали. И эта встреча не что иное, как новоселье. А не прийти на новоселье к папе и маме все равно что засмолить в синагоге: аморально, гнусно, и – будь ты проклят, и – чтоб ты сдох, поц.

На пороге их встречали ротвейлер Гарри, тесть в белой рубашке и теща в платье психоделической раскраски. Гриша бы назвал это платье лучшим творением Коровина, но боится быть битым в подворотне Союзом художников России. И сразу стало ясно, как им рады: Гарри зарычал, теща впилась поцелуем в Киру, тесть посмотрел на Гришу как голубь.

Гарри – клинический идиот. Он и в молодые годы смекалкой не отличался, а к старости спятил окончательно. Тесть Гришу через полгода узнает. Гриша тестя узнает. Гриша узнает через полгода Гарри, а Гарри узнавать Гришу отказывается уже на следующий день. И вот это тестево: «Ты не бойся, он сейчас понюхает и успокоится» – бесит Гришу покруче просьбы Киры почесать ей на ночь спину. Почему он должен позволять себя нюхать? Гарри что, составитель ароматов духов? Ничего подобного. Гарри – разжиревшее до состояния пивной кеги, потерявшее обоняние, зрение и умение бегать существо. В нем соединились все упреки фауны в адрес создателя. Дома существо ласково зовут Гариком. Поскольку Гарик недослышит, имя это в квартире звучит чаще, чем слово «гондон» на трибуне, и каждый раз, когда Гриша слышит «Гарик», он с трепетом озирается в поисках нелегала.

За столом Гриша оказался, как всегда, напротив тестя. Специально сажают, что ли? Это гарантировало очень скорую и очень живую дискуссию. Пить он сразу отказался, сославшись на печень. Но отказ от чоканья был обусловлен причиной куда более веской, чем просьба жены. Ублюдок Гарик залез под стол, разместился по примеру хозяина напротив и каждый раз, когда Гриша опускал взгляд, находил между своих ног огромную, размером с закопченный на костре

подойник, коричневую башку. Пить, когда тебе жарко дышат в промежность, невозможно. Попытка девственно свести колени привела к тому, что он защемил Гарику уши и тот зарычал.

– Не бойся, – успокоил Гришу тесть, – он сейчас понюхает и отойдет.

Но Гарик не уходил. Он или никак не мог разнюхать, или разнюхал и теперь не мог оторваться. Чтобы наладить с ним межвидовые отношения, слушая критику тестя в адрес Пенсионного фонда и безмозгло улыбаясь, Гриша пилил ножом отбивную и, отчленив кусок, незаметно спускал на вилке под стол. Гарик слегка приоткрывал пасть, потоком воздуха срывал мясо с вилки и глотал не жуя. Опустошив бутылку молдавского коньяка наполовину, тесть сообщил то, что невооруженным глазом как бы не было заметно: Гарик стал совсем старый. На улице часто садится, чтобы отдышаться, храпит во сне, и еще врач запретил ему мясо. В Грише мгновенно пробудился интерес:

– А что так?

– Желудок изнашивается, – подытожил тесть, не вдаваясь в подробности диагноза. И налил. – А ты когда на работу нормальную устроишься?

Работу хозяина СТО тесть нормальной не считает. Ему нужно, чтобы в денежной ведомости расписываться и чтобы какая-нибудь баба в синем халате в табель восьмерки ставила. Сам-то тесть на заводе токарем работает. На нормальной работе. Обычно после этого вопроса не проходит пяти или шести минут, как кто-то вылетает на лестничную площадку с торчащим, как у подбитой чайки крылами, воротником. Все зависит от того, кто кому решил нанести визит вежливости. Сегодня была Гришина очередь. Но кто бы ни вылетал, «позор семьи», «шабесгой», «нохря» и «ничего святого», это все – Гриша, Гриша, Гриша. Где он нарезал понятий в этой области, Грише непонятно, известно лишь, что Пятикнижия он в глаза не видал и в Кумранскую пещеру даже не заглядывал. И, потом, не очень-то обоснованно называть Гришу «гоем», имея члена семьи по имени Гарик.

– Сейчас вернусь, – увильнул Гриша от межэтнического конфликта и, поднявшись, направился в ванную. Полуглухие гарики, полупьяные тести, тещины чмоки и запах коньяка на свежие ноздри – все раздражало и вызвало к бунту.

Когда он вышел, Гарик угрожающе, как смог, зарычал и направился в его сторону.

– Не бойся, он сейчас понюхает и успокоится.

И тут, словно подтверждая, что спокойствие уже достигнуто, Гарик пукнул. Не припомнит Гриша ни до этого, ни после, чтобы чья-то задница издавала такие оглушительные звуки. Словно школьный хулиган ткнул чинариком в шарик во время речи директора на последнем звонке. Не ожидая от своей задней части такого непредсказуемого прокола, Гарик присел и посмотрел на тестя взглядом, каким смотрит на жокея обосравшийся при старте Королевского дерби аргамак. Пук произвел на семью сокрушительное впечатление. Пораженная выстрелом теща вскрикнула, тесть захмурил.

– Он скоро умрет, – заключила теща, обладающая уникальным даром видеть лес за деревьями, сморщилась и горько заплакала.

Кто бы мог подумать, что пук является предвестником смерти. Если так, косая ходит за тестем каждый день.

– Я пойду погуляю с ним, – предложил Гриша, застегивая пиджак. Лишь бы подальше. С минуты на минуту завяжется пронзительный разговор о Гарики, просмотр его детских фотографий, солнечные воспоминания о его преданности, а это еще хуже обсуждения цены на гречку.

На улице сразу захотелось выпить. Осмотревшись и взяв животное на поводок, Гриша направился на поиски ближайшего магазина. Гарики ему приходилось тянуть за собой, как осла. Он еще не отошел от потрясения, переживал как ребенок и потому был в состоянии делать только что-то одно из двух: либо идти, либо обдумывать содеянное. После десяти минут напряженной прогулки Гриша увидел коробку ларька. Ни коньяка, ни виски там не найти, но «Гессер» два раза у него получилось.

На лавочке в каком-то глухом дворе он выпил одну бутылку, принялся за вторую. Услышав булькающие звуки, Гарик тяжело вздохнул и качнул свисающими с брыл двумя резиновыми соплями. Гриша не подонок, как думает тесть, понятия о мужской солидарности имеет. Поэтому тут же направил горлышко в пасть ротвейлеру. Он хлестко облизал башку и присосался, как алкаш. В несколько секунд высосал бутылку до дна, икнул, пукнул и снова облизал себя от носа до затылка. И вдруг зазвучал, как двигатель внутреннего сгорания, у которого загнуло клапаны в двух цилиндрах из четырех.

Гриша похвалил Гарика, но сказал, но с этим лучше повременить до дома. Если сейчас потерпеть, то потом можно доставить хозяину ни с чем не сравнимую радость. Этой просьбой он собирался решить две задачи сразу: в прямом смысле этого понятия отравить вечер тестю и избавить себя от необходимости появляться перед прохожими с Гариком. Пердящая собака не лучшая альтернатива спутника для променада.

– Ну, давай, жирный ублюдок, – поощрил он Гарика, – стучи копытами. Домой!

Мерзавец его не слушался. Или просто не слышал. Наклонившись, Гриша поднял ему ухо и прокричал прямо в отверстие, которое было, возможно, сквозным:

– Домой!

Он поднялся и принялся осматриваться, как командированный на полустанке. Ужас овладел Гришей. Гарик не был нитью Ариадны. Теперь это было очевидно. Натянув поводок, он остановил недееспособную собаку и с ужасом – только сейчас – понял, что находится на совершенно незнакомой местности, не зная адреса тестя. Как хорошо, что он забыл дома телефон.

Они бы еще долго стояли посреди этого воняющего выстиранным саваном двора, если бы не появилась в арке миниатюрная фигурка. Ногой направив Гарика в арку, Гриша пошел фигурке навстречу. При ближайшем рассмотрении фигурка оказалась мужичком. С портфелем и шляпой в руках он заходил с улицы во двор.

– Простите, любезный, – окликнул его Гриша как можно учтивее – таким голосом преподающий привлекает внимание матери-одиночки, – вы не могли бы дать мне на минуту свой телефон?

Остановившись и заикнув взгляд на Гарике, старик почти уверенно произнес:

– Хочу вас п-предупредить. Я знаю к-карате.

Гарик пукнул.

– Вы меня неправильно поняли, – сказал Гриша боевому старичку, который вес имел примерно вдвое меньше против его, то есть где-то килограммов пятьдесят. – Я вывел гулять собаку и заблудился. А телефона с собой нет.

– Вы вывели собаку и за-за-а-аблудились?

Гарик пукнул.

– Это не мой пес, это тестя пес, я вывел его погулять, а он и заблудился, потому что адреса тестя не знает, – подумав, Гриша добавил: – Я тоже.

Когда он закончил бредить, Гарик вылупил на него два агата. Видимо, даже для него объяснения показались недостаточно зрелыми. А по взгляду старичка было уже совершенно ясно, что если детали сию минуту не склеятся и разборчивой картинкой не получится, потный свисток, что он сжимает в кармане, тотчас появится на свежем воздухе.

Гарик пукнул. До сих пор только это являлось доказательством, что жизнь в этом дворе есть.

– Что это са-са-са с-с са-сабакой? – спросил старик. Есть такая категория поживших на этом свете. Ты просишь у него телефон, а он в ответ интересуется здоровьем собаки твоего тестя.

– С ним все в порядке. Нормальная реакция на слово «карате». И вы напрасно так боитесь меня. Я мирный житель города Москвы.

– Я не боюсь, – ответил старичок. – У меня с д-детства д-дефект ре-ре-ре...

– Речи. Понятно. Простите, что оскорбил подозрением. Вы дадите мне позвонить?

Гарик пукнул.

Старичок посмотрел на него и потом на Гришу.

– Так вы не с ними?

Совершенно не представляя, что на это ответить, Гриша подарил ему долгий взгляд.

– С т-теми двумя, – добавил пояснительно каратист. Он посчитал, что эта фраза лишней не будет.

– Послушайте, – сдерживая вырывающийся изо рта горький перегар, заговорил Гриша как можно убедительнее, – сегодня у меня был ужасный день. Я ремонтировал одному козлу «Хонду» и нечаянно отломил кислородный датчик. Потом у любимого тестя случилось новоселье. А сейчас я хожу по улицам со страдающей метеоризмом собакой и выпрашиваю трубку у прохожих. Неужели вам трудно вытащить из кармана телефон и протянуть его мне?! Дайте, и я заплачу вам за минутный разговор с соседней улицей как за часовой с Уолл-стрит!.. – И тут Гриша почувствовал, как сексуально «Гессер» лизнул его печень. – Или мне натравить на вас этого монстра?

Гарик пукнул. К окончанию Гришиного спича он устал прижимать асфальт к земле лапами и сел. А потому получилось как из резиновой детской игрушки.

– Т-там, за углом, двое, – сообщил старичок. – У них мой те-те-телефон. Если вы пойдете со мной и вернете мне трубку, я дам вам по-по-по...

Гриша ногой направил голову Гарика в освещенную как врата рая арку и дернул за поводок. Они вышли на освещенную улицу. У остановки стояли двое придурков из числа тех, кого в музее встретишь только ночью. Старичок надел шляпу и шуршащим голосом вороватого бухгалтеря сообщил Грише: «Это они». Вот это точно было лишним, потому что на улице никого, кроме этих двоих, не было. Один злодей держал в руке телефон, второй нажимал кнопки. Это, конечно, указывало на особую опасность банды, поскольку без экспертизы было видно, что роль каждого участника в ней расписана до мелочей.

Они приближались к банде, как армада Менелая к Трое. Покачивая соплями и обнажив желтые сточенные бивни, Гарик переставлял ноги и дышал, как астматик, справа. Старичок двигался по левую руку.

– Подводя итог, – сказал в кафе Гриша, – я вынужден добавить, что первое, и единственное, желание, которое возникло бы у меня, увидь я ночью такой коллектив, было бы непреодолимое желание их напугать. Ну, там, качнуться в их сторону резко или, подъехав, просигналить. Чтобы посмотреть, как они будут разбегаться в разные стороны.

– Эй, вы! – крикнул старичок гопникам грозно, и у Гриши окончательно испортилось настроение. – Стойте где с-с-ссы-ссы-стоите!

К сожалению, они и не думали убегать. Прекратив незаконно пользоваться предметом грабежа, они с ревизией в глазах рассматривали шествующий к ним президиум партии гражданской справедливости.

– Ну что же вы не травите? – тихо посетовала жертва уличного грабежа. – Т-травите скорее.

– Он плохо знает Гарика, – Гриша глотнул кофе и посмотрел на приятелей. Те тоже плохо знали Гарика. – Для него я такой же повелитель, как были те двое. То, что мы пиво вместе пили, ничего не значит. Может, он и помнит, что квасил, но вряд ли помнит, с кем именно. Он не нюхал меня уже около часа, и кто потом ответит за последствия, скажи я «фас»? Гарик стар, умственно утомлен, пукает при каждом шаге, а теперь еще и, по всей видимости, поддатый. Как можно собаке в таком состоянии подавать команды, исполнение которых требует от зверя тонкой душевной организации? Гарик нас с дедом разорвал бы, а эти двое ушли бы с Гариком. Нормально. Тесть потери собаки не переживет.

– Ребята, вы только резких движений не делайте, пожалуйста, – предупредил Гриша, когда они приблизились на расстояние прямого в голову.

Увидев перед собой размытые очертания ног, полуслепой дебил Гарик потянулся к ним подойником.

– Ради бога, только не шевелитесь, – попросил Гриша. – Он сейчас понюхает и успокоится. А пока он нюхает, вы эту трубочку мне отдайте, пожалуйста. Только медленно. Собака неадекватна.

В подтверждение его слов Гарик звонко и протяжно пукнул.

– Ощущение, – опять отвлекся от рассказа Гриша, – словно за спиной моей появился пионер с горном.

– Что это? – тихо спросил один из преступников.

– Это он так себя заводит, – объяснил Гриша. – Вы ему почему-то не нравитесь. Давай телефон быстрее, козел, пока он не озверел!

– Вы его сегодня кормили, Г-геннадий?

Гриша посмотрел на старичка пристально. Старый стручок решил нагнать жути, надо понимать.

– Нет, дядя Валя. Ни сегодня, ни вчера. Мой знакомый уволился из морга, сейчас ищу замену. – Гриша набрал на телефоне номер Кирино мобильного. – Алло, это я.

– Ты где?! – вскричала она.

– Не знаю. Заблудился. Стою на какой-то улице.

– Ах ты, боже мой, какого черта тебе нужно было выходить из квартиры? – Только Гришина жена умеет описать одной фразой все содержание Библии.

В трубке было слышно: «Спроси, как Гарик!» – любимый тесть взволновался! Зять потерялся – не беда! Гарик!..

Она назвала адрес, Гриша пообещал, что скоро будет. Отключился, отдал телефон владельцу.

– Послушайте... – заговорил вдруг старичок. – Это же нельзя так оставлять... Нужно наказать.

– За что наказывать? – возразил один из подонков. И, повернувшись к Грише, стал уговаривать не верить дяде Вале. Реально дело было так. Они шли по улице, никого, понятно, не трогали. На улице столько зла, что им хотелось поскорее добраться до дома. Навстречу – дядя Валя. Чтобы пропустить пожилого человека, один из молодых людей прижался спиной к дому, а второй встал на край тротуара. Он бы мог спуститься на дорогу, но на ней не было «зебры». Так дядя Валя застрял между прохожих. Ни туда и ни сюда. Образовалась пробка. Тогда один из молодых людей предложил позвонить в милицию, чтобы прибыл регулировщик и все уладил. Дядя Валя согласился – второй молодой человек может подтвердить – и попросил вынуть у него из кармана трубку. Сам он достать ее не мог, потому что руки были зажаты вдоль туловища из-за тесноты тротуара. Но когда трубку вытащили, дядя Валя вдруг сказал, что знает карате. Молодые люди испугались, заплакали и бросились бежать, чтобы он их не избил. Но как только оказались вне зоны доступа, остановились и стали искать в трубке домашний номер телефона дяди Вали, чтобы вернуть не принадлежащее им имущество. Вот, собственно, и все. – За что же тут наказывать? Вы собачку уберите, пожалуйста.

– Вот видите, – сказал Гриша старичку. – Все в порядке. А вы, молодые люди, не знаете, где здесь улица Порядковая?

– Простите, мы из Горно-Алтайска.

Гриша спросил старичка.

– Это и есть Порядковая, – проскрипел он, шевельнув плечами. – Проведите меня к моему п-подъезду.

Гриша провел. Через полчаса, волоча за собой окончательно потерявшего рассудок пукающего Гарика, он разыскал дом, из которого вышел. У подъезда они с ним допили купленное по дороге пиво и поднялись к новоселам. Еще через пять минут Гриша выпил с тестем. А через четверть часа он, слушая треск рвущихся с петель пуговиц рубашки, вылетел на площадку.

– Старый придурок! Ты дурак, и собака твоя дурак!

– Где только моя дочь нашла тебя, гоя! – ревел тесть жирафом.

Ужин был окончен. Гриша спустился вниз и сел на лавочку ждать. Кира вышла скоро, минут через двадцать. Они возвращались с ней на такси, и она говорила, что в следующее воскресенье они с мамой поедут покупать в новую квартиру новые шторы. А с Гариком что-то случилось. Он лег посреди спальни, воет и дергает лапой. Пукает, дергает и воет.

– Это он поет, – успокоил ее Гриша. – От счастья. Впервые в жизни он провел день как нормальный мужик. Погулял, выпил, совершил подвиг, вернулся домой, никому ничего не рассказал.

– Ты о чем? – В глазах Киры заискрилась тревога.

– Шучу.

В такси Грише снилось, как он мчится по хайвею Мэриленда в лимузине с открытым верхом. Рядом сидит Кира в огромных черных очках, счастливая вся такая, на шее у нее развевается шелковый шарф. На заднем сиденье, в рубашке белой и белее белого брюках, – Платонов. Одной рукой Гриша держит руль, второй обнимает Киру, а Платонов развалился и сочиняет вслух неприличные этюды. Рядом с лимузином бежит пукающий тесть, спрашивает, когда Гриша найдет нормальную работу, а за ним стучит костями по асфальту косая с литовкой. Он пукнет – она размахнется литовкой – вжик! – и мимо. Пнет лимузин нервно и снова прицеливается. И тогда Платонов отрывается от тетради и кричит гневно: «Сука, я не могу работать в такой обстановке!»

И тут Кира сказала:

– Я забыла тебе сказать, Гриша. Мне ведь срочно в Ростов ехать нужно.

– Зачем? – слетев с трассы в Мэриленде, подскочил Гриша.

– Тетя заболела. Ужасно, – на глазах Киры появились слезы. – Я всего на неделю.

– Через семь дней она умрет?

– Как ты жесток, – и Кира заплакала.

– Ну, езжай, – согласился Гриша. Тем более что он давно уже с нами в кафе не сживал. –

А когда ты узнала о тете?

– Мне мама сейчас сказала. Она сама хотела поехать. Но у нее же работа.

– А у тебя нет работы?

– Ну, у меня есть ты. А у мамы кто есть? Папа, на которого нельзя положиться.

Гриша ничего не понял, и Кира его поцеловала.

Вот так, значит, все случилось.

Глава 2

А всего за два месяца до этого в театре шел показ коллекции столичного, не очень известного модельера. Кире ничего не стоило отказаться от предложения, но модельер был настойчив. И уговорил выйти на подиум. Она еще не знала Жидкова, ей не было известно, что он частый гость на таких мероприятиях и что редко уезжает с показов один. Она ничего не знала. Устав от рабочей суеты, мужа, который жил, как ей казалось, своей, отдельной от ее, жизнью, она выходила на сцену, улыбалась и, возвращаясь, страдала от пустоты и одиночества. Этот показ был развлечением, случайно вытянутой из колоды картой.

А Жидков Евгений Петрович сидел в первом ряду и уже строил планы. Поздравил из необходимости юбиляра – хозяина коллекции, пожелал ему всяческих успехов, посетовал, что российскую творческую элиту задвигают нынче на задний план, выталкивая на сцену под софиты совершенно бездарные личности, после чего окончательно устал и занял место за столиком у самого подиума.

Она понравилась ему сразу, хотя вышла на сцену предпоследней. Ее ноги покорили Жидкова, ее случайный взгляд, брошенный на него, произвел воздействие нокдауна, и в этом состоянии он пребывал до тех пор, пока она не ушла с подиума. И окончательный разящий удар Евгений Петрович испытал, когда она, уже почти уйдя за кулисы, еще раз развернулась, отчего короткая юбчонка ее распахнулась, открывая белье. Она улыбнулась ему.

– Скажите, показ еще будет длиться? – чуть хрипя осипшим от неожиданного потрясения голосом, спросил он у стоящего неподалеку кутюрье.

Тот оторвался от своего змеино-шипения: «Хорошо, хорошо, девочки... Ррразвернулась... Пошла! Пошла!..» – и повернулся к состоятельному гостю. В смысле, хотел сначала отмахнуться, для того и разворачивался, но, узнав того, кто со сцены первым вручал юбиляру букет роз размером с ядерный взрыв, затряс ручками:

– Конечно, конечно, Евгений Петрович!... – Он был похож на педика, им, наверное, и был. – Девочки сейчас снова пойдут. Снова пойдут. Снова пойдут.

– Спасибо, я понял.

И Жидков, совершенно протрезвевший, хотя и пил немного – так, дегустировал несколько сортов, – в ожидании устремил совершенно прозрачный взгляд туда, где находился выход на подиум.

Она снова вышла, только на этот раз на ней был не наряд пляжной соблазнительницы, а красивое платье со шляпой, верх которой украшало перо длиною в метр. Птиц таких до этого Евгений Петрович не видел. Она летела по сцене, перебирая ногами, при виде которых он терял дыхание и тормозил сознанием. Она прошла мимо и развернулась так, что подол платья ее, пахнувший терпкими духами, задел своими кружевными оборками его по лицу.

И он понял, что она должна быть на его лайнере. Она выходила еще три раза, и он встречал ее с той вожажденной бледностью на лице, которая появляется у мальчишек, когда они ждут выхода из школы девочек, чтобы идти за ними следом до самого дома.

Она смотрела на него, он на нее.

Жидков даже педика-кутюрье полюбил за то, что тот, вызванный к столику и приглашенный усесться, хоть и с третьего раза, но все-таки дал телефон женщины.

– Я вас умоляю, – пищал он, ломая руки, – исключительно из соображений уважения перед влиятельным человеком. Они такие хрупкие, их психика столь ранима... Быть может, я приеду к вам вечером и мы обсудим, как вам лучше общаться с Кирой?..

Но обсуждать правила поведения с женщинами в присутствии лиц, имеющих явные отклонения от традиционной ориентации, в планы Жидкова не входило. Гомосексуалистов хва-

тало на его лайнере. Те семь цифр, что пылали вдохновением на табло его телефона, – это все, что было нужно.

Он не выдержал и позвонил через пятнадцать минут после окончания показа. Когда в трубке раздалось ее несмелое, уже почти готовое к разговору с ним «алло», он понял, что работа будет нетрудной. Таким голосом разговаривают утомленные безразличием мужей женщины.

– Я тот мужчина, что смотрел на вас из первого ряда.

– Тот высокий, с волевым подбородком, пронзительным взглядом и чистыми побуждениями?

Он едва не рассмеялся тому, настолько неточно был описан его словесный портрет. «Да-да, работа будет нетрудной!»

– Я могу увидеть вас вне стен этого заведения? Я не называю его злачным только потому, что увидел здесь вас.

– Знаете, я уже вызвала такси...

Она вызвала такси. Она вызвала такси! Вот что, оказывается, может помешать Евгению Петровичу присвоить ее себе! Чувствуя, что заходит далеко и быстро, он встряхнул головой, испугав официанта, только что принесшего ему двойную порцию текилы, и проговорил в трубку чистым, поставленным голосом:

– Кира, я оплачу такси. Оно уедет обратно пустым. Я отвезу вас куда угодно сам. Только скажите.

– Я, вообще-то, в Сан-Марино собиралась, – пошутила она.

– Так в чем же дело? – вскричал он, понимая, что половина трудного разговора уже позади. Позабыв, что завтра ему следует быть выбритым и в отутюженном костюме, то есть в департаменте мэрии по строительству, он выпалил: – Я сам давно не был в Сан-Марино. Я покажу вам город, мы увидим тур «Формулы-1», я угощу вас тамошним коктейлем «Семь звезд».

Они ехали в «Мерседесе» за перегородкой, отделяющей их от водителя.

Кира уже понимала, что уезжает от Гриши.

Поездка длилась долго, хотя на дорогу до дома Жидкова приходилось не более двадцати минут езды. У самого подъезда он, с выбившимся на отвороты пиджака воротником рубашки с «ломаным», под бабочку, воротником, но без бабочки, вышел и, подав руку в глубь салона, вытянул Киру на свет.

Сейчас, когда прическа ее была сбита, платье чуть развернуто в талии, а глаза мутны от поцелуев, она была еще красивее, чем на подиуме, где за каждым завитком ее волос ухаживали несколько стилистов. Уже ни слова не говоря и ничему не возражая, она прошла с ним до лифта, куда вошли и несколько его охранников, поднялась на девятнадцатый этаж и вошла в его квартиру.

Таких квартир она еще не видела. Картины, напольные вазы, стеклянные стенды с украшениями, витые золоченые колонны, подпирающие комнаты, малахитовая спальня и ванна размером с Онежское озеро, в которую запускал воду золотой кран...

– Я хочу, чтобы ты здесь осталась навсегда, – сказал он.

Она прильнула к его плечу и заплакала.

– Ты плачешь, потому что так долго меня искала, да? – спросил Жидков, хищно улыбаясь самому себе через плечо Киры в зеркало. – Или оттого, что я тебя чем-то обидел?

– Как верно ты умеешь подбирать слова, – ответила она, сжав зубами уголок его накрахмаленной сорочки. – Я так долго тебя ждала...

Она словно сошла с ума.

Эта ночь была самой волшебной из тех, что случались с Жидковым. Ночи с женой он уже не помнил. Она ушла, оставив его с дочерью, память о ней притупилась, осталось лишь

уважение и благодарность за то, что она была вместе с ним в печали и радости, в заботах и проблемах до самой смерти. До ее смерти. Жидков начал новую жизнь, и она ему нравилась.

Его снова полюбили. И он, не сдержавшись, рассмеялся. Своим смехом начальника, не привыкшего к противоречиям.

* * *

Всех женщин они делили на три равные группы. У каждой группы свой девиз. Первые руководствуются правилом: «Чтобы быть женой генерала, нужно выйти замуж за лейтенанта». Вторые это мнение презирают, находясь в твердой уверенности в том, что если ты хочешь быть женой генерала, то выходить нужно именно за генерала. И наконец, представительницы третьей. Это представительницы российского слабого пола, которые остаются при особом мнении. Они считают, что, для того чтобы по-генеральски жить, то есть пользоваться благами, получаемыми от генералов этой жизни, вовсе не обязательно сковывать себя какими-то обязательствами, например браком.

Лучшие из них, ошибившись однажды в жизни, идут к новой мечте, преодолевая преграды. Мечта о теплой жизни превращается в манию, и самые настойчивые и привлекательные рано или поздно получают бонус. С того момента, когда в ресторане или на чужой свадьбе появляется хорошо говорящий на русском Антонио Бандерас со счетом в банке, напоминающим номер московского телефона. Он кладет на них возбужденный от первого удара бокала шампанского взгляд – и цель достигнута. Или она кладет на Бандераса – неважно. Главное, цель достигнута. То есть оправданы средства, которые к тому моменту были затрачены. Но эти средства ничто по сравнению с теми, которые поступают в распоряжение будущей любимой сразу после первого контакта.

Истории современных Золушек удивительным образом напоминают друг друга. Здесь даже есть тети. Правда, не феи. Но ссылки на них имеют волшебные свойства. Для достижения должного эффекта необходимо соблюдать несколько важных правил.

Первым и обязательным является правильный способ избавиться от прискотра утратившего актуальность мужа. Далее – по накатанной. Приобретение в длительное пользование любовницы – один из множества капризов, предъявляемых владельцами новой жизни к существующей действительности. Объяснение тому обнаруживается быстро. Как правило, все новые возлюбленные женаты. Они обзавелись семьей задолго до того, как вставили фарфоровые зубы. Им некогда было искать любовь, им некогда было выбирать, ухаживать и очаровывать. А потому женились они просто потому, что жениться принято. Ну, как Гриша. Оттого и среди жен их не найти красивых актрис, милых искусствоведов или потрясающих моделей. Общепринятый стандарт – однокашница или случайная встреча в метро. А модели в то время доставались другим. Со временем понимание того, что жена, оказывается, не так уж умна и привлекательна, как казалось поначалу, в салоне, становилось все навязчивее. И вот тут-то в ресторане или каком другом подходящем для таких встреч месте подворачивается то, что надо. От мужа устала, муж мудака, муж гуляет, а хочется соленого ветра и чтобы руку подавал. Или хотя бы надежды. Женщина без надежды – как лошадь без овса. Хиреет, утрачивает стать, тяжелеет.

Если кто-то думает, что стать любовницей русскоговорящего Бандераса просто и для этого достаточно обладать лишь незаурядной внешностью, то сильно ошибается. Нынешний Бандерас уже не тот лох, что женился на простушке. Современный русский Бандерас – с пристрастиями, достойными князя Монако Альбера. Ему нужно, чтобы и поговорить, и чтобы понимала все с полуслова. Не будет его сегодня, значит, так надо. Таковы обстоятельства.

В сексе с Бандерасом любовнице нужно привыкнуть к тому, что заниматься им будет не она с Бандерасом, а он с нею. Если до встречи с ним она любила разнообразить нахождение в постели взаимными ласками, то теперь придется о взаимности позабыть и попотеть за двоих.

Подаренный ей телефон должен быть горячим от исходящих звонков. Звонки должны ориентировать Бандераса, что о нем думают постоянно. Но будет ошибкой спрашивать его, когда он будет рядом, и корить за опоздание. Все это Бандерас имеет по месту постоянного проживания. Организация скандала – главная ошибка начинающих Кир. Кира должна быть умна. Глупая попытка мстить Бандерасу с другими мужчинами, например с Гришей, неминуемо приведет к разрыву. Дело в том, что Бандерас обидчив до крайности, когда речь идет о соитии Киры с Гришей. Даже если они еще не разведены. Уже через минуту после выяснения факта измены он ответит еще более страшным ударом – он оставит Киру, потому что мужчина и потому что решителен. За что, собственно, его Кира и полюбила. И через две минуты найдет другую Киру.

Из подаренной машины нужно тотчас выбросить шофера. Любовница должна помнить, что водила, приставленный к ее тачке, – это не попытка обезопасить ее жизнь, а твердое намерение внедрить в ее жизнь шпиона с легендой. Главной задачей шпиона Бандераса является отсечка входящих звонков на мобильный любовницы, запоминание лиц, с которыми любовница встречается, и адресов, в которые любовница прибывает в то время, пока Бандерас общается с женой.

Кстати, о телефонах. Принимая в подарок мобильную трубку, бывшая жена и ныне счастливая Кира должна твердо уяснить для себя одну особенность Бандераса. Он только потому состоятелен и любвеобилен, что никому никогда не верил. Надо полагать, что и сейчас не верит. В этой связи, если Кира с этой трубки решила позвонить Грише, ну, так, выяснить, как там вуалехвосты, следует быть готовым к тому, что уже через пару часов Бандерас обидится и романтизм любви рухнет до классицизма общей с Гришей квартиры.

Так считали Слава, Гера и Антоныч. Они были Бандерасами.

Но всем отношениям рано или поздно приходит конец. Бандерас – существо летальное. В смысле – мысли его, дыхание и тело непостоянны и имеют эфирные свойства. Год, два – это, как свидетельствует статистика, предельный срок пребывания Киры в чарах настоящей любви. Потом любовь угасает. Но Кира в это не верит. Ей кажется, что это навсегда.

– Потому что Кира – не блядь! – закончил Гера.

– Я убью тебя! – взорлил Гриша.

Поняв, что зашел уже очень далеко в своих экзерсисах, Гера поостыл и объяснил:

– Я вообще. Я просто рисую картину. Ты знаешь, как тепло я отношусь к Кире. Но к тебе теплее! Поэтому, как друг, на твоей стороне!

Слава хмыкнул и потянулся к пиву:

– Я оборжусь, если Кира на самом деле уехала в Ростов к больной тете.

Но все выглядело и впрямь подозрительно. Кира взяла сумку, в нее положила два платья, две пары туфель и кучу нижнего белья. Если учесть, что осталось две недели до Нового года, амуниция убывающей к смертному ложу любимой тети выглядит весьма неестественно.

– Я сегодня же узнаю, куда она уехала, – пообещал Гриша. – Что-то я заволновался. Одно дело развестись, на что я согласен, и другое – когда тебя разводят.

Вечером, когда они собрались в кафе снова, выяснилось, что Кира уехала не в Ростов. Она уехала в Одессу. Так, во всяком случае, значилось на билете, который она приобрела в кассе Киевского вокзала. За два дня до похода к Гарику.

– Может, – робко пробормотал Гера, – у нее там еще одна умирающая тетя?

Гриша поднялся темнее тучи.

– Кажется, тебя провели, старина, – грустно фыркнул Антоныч.

Выйдя из кафе, Гриша почувствовал приток депрессии. Сел в свой «Мерседес», выкатился с парковки, заставил проезжающий мимо «Форд» вылететь на встречную и исчез в потоке.

– Ночью к нему нужно будет зайти, – посмотрев на это, сказал Антоныч. – А то как бы чего не вышло.

Оказавшись в ресторане, в котором они вчетвером праздновали дни рождения и прочие праздники, Гриша упал на стул, едва не опрокинув столик, и позвал официанта.

Начинать в десять вечера с мартини было как-то несерьезно, поэтому Гриша заказал селедочный салат, горячее, литр ананасового сока и двести водки.

Двести водки закончились гораздо быстрее, чем литр сока, поэтому он попросил повторить. Официанты повторили, однако насторожились. Не испугались, а насторожились. По-настоящему страшно было, когда они появлялись вчетвером. Ну а с одним-то Гришей можно было договориться. Здесь хорошо знали, что эти четверо по отдельности были парнями вполне сносными и даже милыми. То же самое представляет собой сера и селитра. Однако стоит их соединить вместе, да еще добавить угля... Но сегодня пришел один, и был он угрюм. Потому – просто насторожились.

– Музыку!

Официанты напряглись чуть сильнее, однако Стаса Михайлова включили. Ресторан еще пустовал, публика подтягивалась ближе к полуночи, поэтому в зале, который занимал Гриша единолично, покатилося гулкое, еще не проснувшееся после вчерашнего эхо.

– Я что-то стриптиза на сцене не вижу.

– Понимаешь, Григорий, – объяснял ему вызванный администратор, – сейчас десять вечера. Никого нет. Люди в поле, у станка и придут сюда часа через два. Тогда и стриптиз будет.

– А я не люди? Хер на блюде?

– Нет, конечно, не хер, Григорий. Но девочки-то с мальчиками не могут для каждого посетителя танцевать. У них нормированный рабочий день.

Гриша вздохнул.

– Тогда сами выходите на сцену. Весь штат ресторана. Мальчикам разрешаю оставить бабочки, девочкам – туфли. Хочу вальса и чечетки.

Спорить с Гришей было неразумно. Весь штат ресторана обслуживался на его СТО с внушительными скидками. Тем более что спорить с Гришей глупо было в принципе: залитые в его двигатель двести граммов алкоголя убедительно доказывают, что ничего невероятного в природе не бывает. Все совершенно очевидно и просто.

Через пятнадцать минут непонятно откуда привели заспанную танцовщицу и такого же, опухшего лицом и худого телом, танцора. Они вышли на сцену с таким видом, словно их вывели на расстрел, ежась от солнечного света и совершенно не понимая, зачем они здесь и почему. Однако, увидев Гришу, вспомнили и, под звучащую из колонок Милен Фармер, стали исполнять какие-то трюки двух перепившихся любовников.

– Да, это не «Тодес», – с досадой отметил Гриша, но на стул отвалился и лицезреть стал. Заказал еще двести и салат «Огонек».

Потом еще двести и икры.

Еще через час, в начале четвертого, стал играть на сцене на позабытом музыкантами барабане, стараясь попадать в ритм движений очумевшей от эротического танца пары. Зрители аплодировали стоя.

Без пяти четыре потребовал принести из реквизита бескозырку и попробовал станцевать «Яблочко». «Яблочка» не случилось, тогда он пригласил голую, обалдевшую от ужаса стриптизершу на тур вальса, хотя бескозырку и не снял.

В четыре двадцать он дал администратору сто долларов и попросил микрофон с караоке. Спеть не смог и тогда в отместку своему горлу согнул о шею держатель микрофона. Поднял со сцены стул и метнул его в барабаны.

После пил прямо из горла графина, бил кого-то не по злобе, потом вдруг оказался на кухне, где пытался склонить к сексу повариху, обжег себе о плиту руку, после чего направился в туалет и, не найдя там писсуаров, стал скандалить и требовать сантехников. Его проводили в соседнюю дверь, где Гриша писсуары обнаружил и о сантехниках забыл.

Потом свет погас, а когда включился, он обнаружил себя одетым в постели с какой-то девицей. С трудом узнав в ней танцовщицу, он, находясь в совершенно невменяемом состоянии, плюнул и стал обуваться. Раз пять или шесть он смотрел на часы, однако определить время так и не смог. Как и обуться.

Уже на рассвете его, сидящего на кровати под храп стриптизерши, обнаружил Антоныч.

Глава 3

Окончательно пришел в себя Гриша в вагоне.

– А что мы тут делаем? – спросил он, сообразив, что куда-то едет, причем вместе с Антонычем, Славой и Герой.

– Мы едем в Одессу.

– В Одессу? А что мы там будем делать?

– Искать твою жену, – объяснил Гера. – А то у нас возникли подозрения, что ты ее немножко ревнуешь.

– Киру? Ни за что!

– Вернем ее домой, и разведешься по-человечески, – велел Слава. – Пока вы женаты, отдавать ее какой-то фре стремно и не по-мужски. А пока спи.

И Слава, дотянувшись до Гришиной головы, уткнул его носом в подушку.

Всю ночь они искали Гришу. Слава богу, он остался верен своим привычкам и отправился туда, где бывали они вместе. Труднее было найти адрес, на который он отправился с танцуполькой. Домой мужиков красавица не водила – муж не разрешал. Поэтому повела к подруге. Поиски квартиры подруги заняли пять часов. Этой ночью спал только Гриша. Если беспамятство можно назвать сном. Поэтому, когда он заснул, едва голова его коснулась подушки, все расплзлись по своим полкам.

И лишь Слава попросил чаю. По привычке. Перед тем как лечь спать, он, как все ненормальные, пил чай.

Ба-бах-нах!

– Кому чаю надо было?! Идите, там вскипело!

– А лимончик не порежете?

– Откуда у меня лимон?!

И вот теперь Слава лежит, в утешение себе представляет картину совершенно ирреальную. Ирреальность – это слово такое. Вот, к примеру, ты просишь чай с лимоном, а тебе отвечают: «Лимона нет». И добавляют: «Может, коньячком спрыснуть?» С мордой такой солнечной: «Может, коньячком спрыснуть?»

А теперь представьте, что вы просите чай с лимоном, а тебе вдруг отвечают: «Нам так неловко. Вы попросили чай с лимоном, а не уточнили, с каким именно. У нас все служебное помещение забито лимонами. Тонкокорыми, толстокорыми, из Китая, из Колумбии, из Абхазии. Вам какой лимон угодно в стакане крепкого чая увидеть?»

И ты так глупо отвечаешь: «Ну, давайте из колумбийского ящика... если вас не затруднит».

И проводница тебе отвечает, краснея страшно, и – шепотом: «Я вся сгораю от стыда. Я должна, я обязана была предупредить. Вы только никому не говорите, умоляю, что я не предупредила. У нас колумбийские двух видов – с подножия второго хребта Анд и с обширной зоны тропических лесов».

И ты, тупея уже тихо, но заметно, говоришь: «Ну, давайте с подножия...» И через минуту, представьте – несет. Так вот это – ирреально. Ну, вы уже и так поняли: когда лимона нет, это – Максим Горький. А когда лимон – это Джоан Роллинг.

И вот Слава представляет себе такую действительность, не из Горького, где лимона нет, а из Роллинг, где лимон может появиться хоть откуда, да хотя бы из задницы Дамблдора: лежит он, и заходит красивая такая проводница. Не эта, на минотавра похожая, с отвисшими, как у сенбернара, брылами, а другая. С фигурой Скарлет Йоханссон. В короткой шелковой юбочке, в чулках, блузка до пятой пуговицы расстегнута, на шпильках... стерва... Губка верхняя чуть

приподнята, сквозь блузку видно, как соски напряжены... И вот заходит она, расстегивает последнюю пуговицу. Спускает юбочку до колен, извиваясь, как гюрза, и говорит...

Ба-бах-нах!

– Через десять минут туалет закрою!

ТЬфу!..

И спать расхотелось.

Нет, нельзя так оставлять. Гриша без них пропадет. Уже почти пропал. Да и с Кирой поболтать хочется. Спросить так, щурясь по-ричардгировски: «Ну, как тетя? Есть перспективы?»

А должны быть. Взволнованный Гриша на Киевском вокзале не заметил одну мелочь. Да и не мог заметить, потому как ею не интересовался. Оно и понятно – чего еще выяснять, когда жена говорит – в Ростов поехала, а на самом деле – в Одессу. Антоныч проверил более вдумчиво. И оказалось, что в 14.16 не Кира билет покупала. А скорее всего, тот, кто в то же самое время – 14.16 – покупал и себе билет тоже. Не могут же два человека за минуту два билета оформить. Только два одновременно – для Киры и для какого-то Жидкова Евгения Петровича.

Кто такой Евгений Петрович, узнал Гера, у него полковник в ГИБДД. Не бог весть какой Бандерас, конечно, но дом имеет в Таррагоне – это Испания – и с десятком автозаправок в Москве. Да яхтклуб в Греции. Ну и океанский лайнер, разумеется. Глупо иметь яхт-клуб и не иметь суденышка водоизмещением сколько-то там тысяч тонн, на тысячу пассажиров. Хороший лайнер. Вместительный. Говорят, он круглый год от Одессы до Испании курсирует. Завтра отправляется.

Почему эти двое не на самолете до Одессы двинули? Слава прикидывал и так, и так, и хоть как, выходило, что на поезде Кира настояла. Хотела, видимо, за сутки совместного проживания уяснить для себя какие-то детали. Хотя Слава может и ошибаться. Он женат ни разу не был. А если прав, то вывод сам напрашивался: Кира не собиралась возвращаться. Взяла сутки в поезде как тайм-аут, чтобы принять окончательное решение.

Бах!

Подножка.

Одесса-мама.

Глава 4

Жидков Евгений Петрович для своих сорока лет был капризным человеком с излишним количеством подкожного жира. Когда-то он занимался тяжелой атлетикой и выглядел огурцом. Но вскоре спорт ушел в прошлое, а вместе с ним и огуречная стать. Ел Жидков мало, но это не спасало. Жир появлялся словно в наказание. Операции по удалению этого строительного материала проводились регулярно, но чем чаще хирурги отсасывали у него жир, тем быстрее он полнел. В конце концов он эту затею бросил. При своих ста двадцати килограммах веса и ста восьмидесяти сантиметрах роста Жидков казался еще больше из-за непомерно большой головы. На темени она была совершенно лысой и блестящей, как гигантский бильярдный шар, по окружности же, над ушами, она была подернута седеющим пушком, весь вид которого свидетельствовал о том, что и ему осталось немного.

Нарушение обмена веществ – полбеда, хотя для многих людей этого уже вполне достаточно, чтобы слечь. Известный на Средиземноморском побережье Жидков еще страдал язвой, залеченной трижды и снова прорывающейся сквозь антибиотики, как отряд Ковпака сквозь редуты врага. О болезнях своих Евгений Петрович никогда не распространялся, но о них знали все, кто лицом обращен к Москве.

Жидков был любителем женщин. Он не чурался никаких способов присвоения их, если они ему нравились. Вообще, в женщинах Жидков понимал мало, инструменты познания оных за последние годы порядком поизносились. Но иногда он прорывался сквозь блокаду и был счастлив. Вообще же женщины ему нужны были, чтобы никто не знал о его проблемах со здоровьем. Смешно предполагать, что у мужчины какие-то проблемы, когда рядом ослепительные женщины, и каждый год – новая. Для поддержания себя в форме Жидков держал вокруг себя огромный штат экспертов, специалистов и медиков. Первые сообщали ему стоимость лечения и передовые технологии, вторые лечили, а третьих Евгений Петрович держал ради забавы, чтобы в минуты хандры те рассказали ему чего интересненького про медицину в целом и конкретные заболевания в частности.

Женщин Жидков любил той любовью, которой любит бабка, покупающая двадцатый по счету сарафан и укладывая его в сундук, заботливо пересыпав нафталином. После очередной победы он складывал в коллекцию предметы ее гардероба, которые забывались хозяйками, и время от времени проверял содержимое, предаваясь светлым воспоминаниям. А временным напарникам давал вольную, оставляя в шоке и в неизвестности.

Поначалу Евгений Петрович вовлекал в свои забавы всех подряд – были бы красивы и умны. Но несколько лет назад случилась история, которая позволила ему выбрать направление, коего он и придерживался до сих пор.

В его жизни случилось уже почти все, о чем здравомыслящий мужчина может мечтать: деньги, свобода перемещения, исполнение любых капризов. Вот разве что здоровья бы побольше. Жидков, до того дня шесть месяцев назад, как ему позвонил главный в России человек, трудился в бизнесе, дающем тепло и свет в один из северных регионов страны. Делать это хорошо не всегда получалось, нервы изнашивались, и если бы не капитал, то пошло бы оно все... Москва все равно далеко, так уж лучше купить еще один лайнер и жить за границей. Последнее даже лучше.

Но случилось невероятное. Ему позвонили.

Вот так, в суе рабочего дня в его кармане вдруг запиликал мобильник – тот, что в левом кармане. И Евгений Петрович, с недоумением осмотрев табло, вошел в связь.

– Да, я слушаю.

– Здравствуй. Евгений. Не отвлек?

– Это кто? – недоуменно сдвинув брови, решил уточнить Жидков.

– Плохо. Плохо, Евгений. Мы с тобой в сто двадцать второй школе учились вместе. Ты на пять лет младше.

Ох уж эти деятели... Евгений Петрович видел их тщедушное нутро насквозь! – кто только не набивался ему то в родственники, то в знакомые его близких знакомых, то в однокашники. Тепло и свет нужны всем. Но всех им не осветишь. Как не решишь проблему каждого.

– Я никогда в жизни не учился в сто двадцать вторых школах, – признался он, уже пристраивая большой палец на кнопку отключения связи. – Я, на всякий случай, учился в сто тридцать пятой.

– Плохо, Евгений. В смысле – для дела, конечно, хорошо. А вот память такую иметь, конечно, плохо. Сто двадцать вторая школа, Евгений Петрович, – это та, что под Охтой. Уж прости, что напоминаю об этом по сотовой связи. А что ты в сто тридцать пятой учился, так это я знаю, знаю. В третьей четверти восьмого класса по литературе у тебя тройка вышла.

– Вов... Господин... – сообразив, кто ведет с ним разговор, Жидков, конечно, расстроился. И стал чуть суетлив. Долго не мог понять, как правильно назвать абонента – «ваше благородие» или «товарищ главнокомандующий».

– Да все в порядке, Евгений. Ты в среду в следующую не занят?

– Да я... – пообещал Евгений Петрович. – В какую угодно.

– В какую угодно не надо. Надо в следующую.

– Да, конечно. Всю следующую среду мне совершенно нечего делать, – признался бывший выпускник школы КГБ. – Я прямо не знаю... чем заняться.

– Я найду чем. Часам к двум не смог бы приехать?

– Да я к часу!

– К часу не надо. Я еще во Франции буду.

В Москву Жидков прибыл за два дня до назначенного срока – бывает, что рейсы задерживают, погода нелетная. Кто бы мог подумать, что в феврале метели начнутся? А потом идти в Кремль и говорить – извините, мол... этот Аэрофлот... свинство прямо какое-то. Не успел. Нельзя ли еще раз ко мне спуститься?

Не дело это, не дело.

Из столицы Жидков вернулся почему-то розовым и стройным. Словно его только что родили и тут же вырастили. Несмотря на то что еще до его приезда все в Антоновской области знали – едет новый губернатор, все расспрашивали, как прошла встреча с Президентом и какие перемены грядут в регионе. Жидков уже низким, губернаторским голосом говорил о необходимости укреплять вертикаль власти, о принципах единоначалия и об отраслях, которые непременно должны подвергнуться реорганизации. У него интересовались, как глава страны относится к результатам судебной реформы, а Евгений Петрович, морща лоб и пожимая плечами, свидетельствовал о своей верности курсу Президента и о необходимости поднимать авиационную промышленность, благо таковая в Антонове имела. Хотя и в несколько запущенном после перестроечных веяний состоянии.

Словом, Жидков вошел в роль, вывести из которой его можно было только одним способом. Еще до наделения полномочиями губернатора, но уже после утверждения его местным законодательным собранием Жидков принялся реформировать и другие отрасли. Традиционно они отличались слабой подверженностью переменам и противостояли активно, словно их не реформировали, а ликвидировали. К примеру, совершенно необоснованно был нанесен удар по Главному управлению внутренних дел Антоновской области. Несмотря на то, что в функции Жидкова не входила деятельность по формированию кадров органов внутренних дел, как, впрочем, и таможни, как, впрочем, и ФСБ, он принял самое активное участие и в этих реформах. Еще не до конца приняв должностные обязанности и не зачитав по памяти присягу,

Евгений Петрович вмешался во все, во что вмешиваться не имел права даже после того, как в его кармане должны были образоваться корочки губернатора области.

Все бы ничего – в стране уже давно привыкли к тому, что Конституцию гарантирует тот, кто ближе к ней стоит, и на беспредел Жидкова можно было не обращать внимания, но...

Но когда кто-то выходит из-за кулис и начинает вдруг управлять хозяйством, пренебрегая элементарными принципами уважения к людям, занятым на этом деле уже не один десяток лет, этот «кто-то» всегда притягивает к себе массу недовольств. В большую коммунальную квартиру Антоновской области, в которой уже давно оговорена очередность жарки рыбы на кухне, стирки белья в ванной, помывки и даже такого нюанса, как последовательность уборки коридора, вдруг вселился жилец с полномочиями.

Он зашел на кухню и заявил о том, что жарка рыбы отменяется, потому что у него и без того переизбыток фосфора в организме. Отныне все тушат мясо. Причем первым это делает не Иванов, как было заведено до сих пор, а именно Сидоров. Кстати, насчет мяса. Непременно – баранина.

В ванной новый жилец велел сорвать занавеску, отделяющую унитаз от душа, унитаз убрать вовсе, а вместо душа поставить ванну. Мыть ее всегда будет Петров. Туалет... В дальнем углу коридора. Тоже Петров... На стену – график пользования.

Новый жилец – утвержденная кандидатура, прошла по всем жизненно важным органам региона. Формально уже перераспределила руководящие должности, определила приоритеты, перераспределила бюджет, объявила решительную борьбу коррупции и преступности и стала дожидаться часа, когда в здание администрации Антоновской области прибудет полномочный представитель Президента и в торжественной обстановке, выслушав клятву Жидкова в верности региону и всем живым существам, его населяющим, вручит Евгению Петровичу удостоверение губернатора области.

И ему вручили. Два года он губернаторствовал без лести, как бы преданный.

Но потом вдруг в Администрацию Президента пришло письмо, в котором, помимо сопроводительной бумажки, находился компакт-диск. На видео губернатор пахал кого ни попадя. И сразу после этого выпускник сто тридцать пятой школы почувствовал недомогание и сошел с поста губернатора именно по этой причине – по состоянию здоровья. Ему так было рекомендовано.

Но эти два года не прошли бесследно. Вывалился пушок за ушами, добавив голове блеска, углубились носогубные складки, и, самое главное, Евгений Петрович ощутил новый вкус женщины. То есть теперь, попробовав, он не мог оторваться. Теперь его не устраивали абы какие. Нынче Евгения Петровича интересовали исключительно замужние и глубоко образованные. Экстрим вел Жидкова и не отпускал.

Так в его коллекции увидевших свет в конце тоннеля оказалась Кира.

Словно под наркозом, она слушала, как он читал ей какие-то стихи, рассказывал удивительные истории, и она сама не заметила, как ее рука оказалась в его. И этот лысый, с бесцветными глазами, потеющий во время еды человек очаровал ее и лишил разума.

Настолько, что она решилась на поступок, которого не ожидала от себя даже в состоянии бреда. Жидков признался, что дальнейшая его жизнь без нее лишена всякого смысла, и предложил покинуть скорбную страну. Они сядут на его «Ганимед» и отправятся в круиз. И потом останутся в Таррагоне. Он все уладит. Кира рассказала обо всем маме, мама рассказала папе, и он спросил: «А работа у него нормальная?» Поняв из объяснений, что не очень, все же согласился на замену мужа. Лучше гой с пароходом, чем гой с автомастерской.

Но в последний момент Кира все-таки взяла тайм-аут. Сутки в поезде – больше не нужно. И эта поездка вдруг приоткрыла ей глаза. Словно сквозь пелену горячечного бреда ворвался Гриша, и ей стало ясно, какую чудовищную ошибку она совершает. Кира сказала Жидкову «нет» уже на трапе. Но было поздно.

И против воли своей, уже прозрев от глупости и осознав размер неверности, она ступила на палубу сверкающего белизной лайнера.

Чуда она не ждала. Чудеса с ней случаются, только когда рядом с ней Гриша. Но о том, чтобы в ближайшее время увидеть его, она даже не мечтала. Был Жидков, и отмахнуться от этого факта было невозможно. Следующий порт назначения в Турции, там она и собиралась бежать и вернуться в жизнь, от которой отказалась.

Он ввел ее в свою каюту и, любезно улыбаясь, сказал, что это как раз и есть то самое место, где они смогут спокойно поговорить. Пока он бряцал в баре стеклом и откупоривал какую-то бутылку, Кира осмотрелась. Два месяца – не такой большой срок, чтобы хорошо изучить вкусы любовника. Тем более что встречи эти были мимолетны и случались каждый раз в каком-то полусне. В ресторанах, гостиницах, квартире Жидкова в Москве, куда они приезжали лишь на пару часов, чтобы заняться любовью. И вот сейчас ей представился шанс узнать о Евгении Петровиче побольше. Решение бежать она уже приняла, но изучение Жидкова как объекта должно было уверить ее в правильности принятого решения. Она почему-то была в этом уверена. Кювета и ее содержимое – не туриста, а хозяина – визитная карточка. Рассматривая картины на стенах, ощущая под ногами шкуру какого-то зверя и пробегая взглядом по корешкам книг, расставленных на полках, девушка быстро сообразила, что ничего общего с интересами Жидкова она не обнаруживает. Как странно, что для этого нужно было бросить Гришу и взвинтить родителей. Картины – настоящие, но подобраны они именно как украшение каюты, как доказательство, что хозяин способен платить за дорогие вещи. В каждом уголке этого жилища чувствовался вызов: смотрите, я могу иметь это, это и это. А еще вот это – коллекцию книг от начала восемнадцатого до конца девятнадцатого века. Многие из них были изданы на французском, английском и немецком языках, и Кира, рассматривая картину в общем, обнаружила, что корешки книг удивительным образом гармонируют с цветом стен.

Когда Жидков наконец справился с бутылкой и уселся напротив девушки в глубокое кожаное кресло, она стала чувствовать приближающийся страх. В глазах этого человека горел дьявольский огонек, в том, что Жидков невероятно комплексует по поводу отказа, она уже не сомневалась. И теперь оставалось только гадать, как далеко в своем мнении может зайти тот, с кем она, ничуть не задумываясь о последствиях, бежала от Гриши и прежней жизни. Жизни, которая сейчас, в свете каютного освещения, казалась лучшей из возможных.

– Вот ведь какие дела, Кира, – заговорил Жидков, приглаживая отсутствующие на темени волосы. – Такие дела, что я впервые в жизни не знаю, что и делать.

– Мне кажется, тебе нужно тотчас открыть дверь и выпустить меня из этой каюты.

Евгений Петрович покачал головой:

– Это невозможно.

– Ты больной?

Он снова покачал головой, но отвечать стал на другой вопрос.

– Существует проблема, девочка. И эта проблема серьезна. Ты не можешь меня кидать. Я, понимаешь, вспылал. Решил стать еще счастливее, и в последний момент ты отказываешь. Меня не поймут люди из моего окружения.

Жидков излагал ахинею. Он собирался прокатиться с красивой женщиной и вернуть ее в Москву, как делал со всеми. Но впервые ему влепили оплеуху.

– Мое окружение, – продолжал он, крутя в руке бокал, – люди достатка. А в этом мире существуют свои правила. Никто не может просто так забрать что-то, принадлежащее другому, и присвоить. Это против правил. Я могу уступить, да. Но это будет значить, что я потерял интерес к объекту и более в нем не нуждаюсь. А в тебе я нуждаюсь. В общем, чего тебе не хватает? Я тебя хочу, ты меня хочешь. Все нормально. Идем в Турцию.

– Ты ненормальный... – прошептала Кира. Ей сейчас вдруг подумалось, что еще там, в поезде, ей следовало драться, рвать ручку двери и прыгать на ходу с подножки. Авось осталась

бы жива. Сейчас же она находилась в каюте больного человека, озабоченного какой-то идеей, у которого имелся, по всей видимости, какой-то план. Человек, у которого имеется план и который не торопится поделиться им с окружающими, – это, несомненно, больной человек. – «Принадлежит»... «интерес к объекту»... Ты о ком сейчас говоришь?

– Надо же, какой своевременный вопрос, – спокойно заметил Жидков и хлебнул вина. Не пригубил, а именно – хлебнул. И глаза его вдруг стали злыми. Как у отхлебнувшего, а не у пригубившего. – Ты кем себя возомнила?! Мэрилин Монро?! Хочу – сплю с Джоном Кеннеди, не хочу с Джоном – сплю с Робертом Кеннеди, а замуж выхожу за гольфиста? Ты кто, звезда мирового масштаба? Ты – телка, жалкая актриса из театра, играющая роли придворных дам! Я принял тебя, показал настоящую жизнь, объяснил, чем настоящие мужчины отличаются от хомяков московских улиц, и теперь ты, почувствовав себя Мадонной, решила играть по своим правилам? Ты полагаешь, что то время, которое я потратил на тебя, было предпродажной подготовкой? Думаешь, я готовил тебя к красивой жизни в обществе бывшего мужа, которым ты теперь можешь управлять по своему усмотрению?

У Киры потемнело в глазах.

– Бывшего? Кто это меня развел? Ты, козел?!

Он сдержанно хмыкнул, и Кира, хотя и понимая, что толку от этого не будет, решила договорить до конца:

– Ты понятия не имеешь, Жидков, что значит – чувства. Ты понятия не имеешь, что значит – настоящий мужчина! Выщипывание бровей и покраска ногтей по методу Бекхэма, что тебя, кстати, не красит, потому что ты не Бекхэм, и что меня постоянно настораживало, – это самые настоящие признаки педерастии. И очень жаль, что я не поняла этого раньше. Быть может, не сидела бы тогда в этой гадкой каюте с трупом убитого животного под ногами!

Он бросил бокал на пол и ударил ее по лицу.

Кровь струйкой скользнула по губам девушки и стала капать на грудь.

– У меня на судне есть часовня. Сходи к батюшке, он за тебя помолится. Только не рассказывай много правды, иначе он не поверит.

Еще минуту назад ей не верилось, что он может причинить ей боль. Обмануть, в любой момент предать, разочаровать в себе – да, но не причинить боль физическую. Но это случилось.

Это была ловушка, и она плотно захлопнулась.

– Часовня неподалеку от палубы, мы там пили шампанское, когда взошли на судно, помнишь?

Он круто развернулся и вышел.

Не зная, зачем это делает, она вынула из кармана джинсов телефон и отправила Грише одно-единственное слово – «Ганимед».

Зачем? Чтобы посмеяться над ним? Размазать?

Нет. Глотая струящиеся по лицу слезы, ей хотелось, чтобы Гриша пришел и спас ее.

«Господи, – подумала Кира, – какое я ничтожество».

Она поднялась с пола, села в кресло, и в этот момент в каюту вошел Жидков.

– Телефон! – приказал он, жуя сигару.

Она вынула из кармана трубку и протянула. А он открыл дверь и, чтобы Кира видела, размахнулся и зашвырнул его в море.

Глава 5

– Что такое «Ганимед»? – недоуменно пробормотал Гриша, рассматривая посреди Привоза телефон.

– Спутник Юпитера, – не раздумывая, ответил Гера. – Один из Галлилеевых спутников.

– А еще название лайнера Жидкова, – пробормотал, откусывая яблоко и поглядывая на Славу, Антоныч.

– Какого Жидкова? – с еще большим недоумением спросил Гриша.

Пришлось рассказать.

Гриша сел прямо на асфальт. Его отодрали и повели в тень.

– Столько лет вместе... – бормотал получивший контузию Гриша. – Галстук повязывала... К ее... сумасшедшим родителям в гости ходил!.. Гарика выгуливал!..

По мере возрастания крика становилось ясно, что Гриша приходит в себя. Главное, чтобы по дороге к порту не попадались пожарные щиты. Иначе быть в Украине еще одной оранжевой революции.

Сообщение потрясло Гришу, как землетрясение.

Они вчетвером куда-то ехали, кто-то указывал направление, а он вспоминал, как познакомился с Кирой.

В Ногинске дело было. Он туда приезжал за долгом.

Жизнь в периферийных городках открыта и проста для понимания. Свое личное нигде не прячется так тщательно, как в крупных городах. В поселках, где каждый знает каждого, дверь в чужую жизнь всегда приоткрыта. Вот на первом этаже крайнего подъезда через окно видна веселая сценка. Муж принял на стопочку больше, чем обычно, и сейчас на кухне пытается доказать жене, что та стопочка – не лишняя, она – запасная. Получается, конечно, неубедительно, но хорошо хоть, что вообще получается.

Окно второго этажа. Целуются.

Везет... Гриша вздохнул и отвернулся. В багажнике лежал кейс с полутора миллионами рублей, и уже давно пора было выехать на ведущую в Москву дорогу, но в темноте он заблудился. Не каждый день приезжаешь в Ногинск за долгом. Въехал в какой-то двор, чтобы расспросить местных, вышел из машины, а вокруг – тишина. И только с десяток телевизоров – окон с фильмами семейной жизни.

Оп!.. Что это?

Это стук каблучков по асфальту. Только почему такой частый, словно их обладательница бежит? Куда можно спешить в половине первого ночи? В это время поздно уже для всего.

Гриша обернулся и повис на двери.

По улочке к дому бежит молодая женщина, а за ней, шагами спортивного хода, следует незнакомец. Уже дураку понятно, что он гонится, преследуя женщину, но все равно на бег не переходит. Очень комично это выглядит в половине первого ночи, очень.

Девушка торопилась к дому. Гриша вышел из-за машины, но хлопать дверцей, нарушая ход событий, не стал.

Девушка уже не просто бежала. Она бежала сломя голову. Прохожих на улице не было, мужчина понял это, и характер его дальнейших действий заставил Гришу отбросить предположения о том, что они оба спортсмены. Ему показалось даже, что девушка всхлипывает.

Еще мгновение, и ходок догнал ее...

Вырывая из его лапы свою руку с сумочкой, она попыталась закричать, но тяжело дышащий, как заводской пресс, мужик закрыл ее рот ладонью.

– Заткнись, мать твою!..

Жизнь вывела для Гриши триединый закон: нельзя отбирать конфеты у детей, стрелять в ментов и бить женщин. Если ты способен соблюдать эти три на первый взгляд простых правила, то при любых жизненных коллизиях можно оставаться вполне порядочным и свободным человеком. Еще нельзя бить и стрелять в детей, конечно. Воровать у друзей и силой брать женщину тоже паскудно. Но разве не об этом идет речь в триедином законе?

– Эй, фря!

Услышав приятный, несмотря на контекст, мужской голос, женщина вырвалась из сильных, охвативших ее рук и рванулась на звук. Секунда – и она, ослепленная темнотой, врезалась в Гришины руки. Ударилась больно, но закричала не от боли, а от неожиданного столкновения. После столкновения запахло дорогим одеколоном. Еще бы. Гриша за долгами ездит как правильный пацан.

– Тихо, тихо... – Гриша мягко взял ее за локоть. И – ходоку: – Ну-ка, иди сюда.

И пошел сам.

Утеря сумочки, утеря возможности потешиться над красивой девкой. Что из этого вызвало такой гнев ходока, понять было сложно, да и времени для выяснения было очень мало. Доля секунды, за которую задать вопрос вряд ли представляется возможным.

Гриша поймал движение крепкого ночного охотника на противоходке и вбил ему в голову мощнейший свинг правой.

Капля крови, оторвавшись от какой-то части лица ходока – темнота поглощала весь пейзаж, и Гриша бил по чужому дыханию, не видя, – ракетой ушла вверх и мазком распласталась на стекле окна, в котором продолжалась кухонная перебранка. Вот кому не до проблем на улице...

Глухой стук падения и тихий лязг металла об асфальт.

– Это что?.. Что это у него в руках было?! – Это был тот момент, когда женщина чувствует, что истерики не избежать. А раз так, то нужно все сделать от души. – Это нож?!

И без того перепуганный Гриша наклонился и провел рукой по асфальту. Предупреждая какие-нибудь непредсказуемые действия со стороны молодой женщины, он мягко и членораздельно заговорил:

– Не бойтесь, уже все прошло. Все хорошо. Я женщин по ночам не насилую. Я их... Нет, это не нож, слава богу. Это пистолет.

Женщина взвизгнула.

– Да тихо же! Вы чего больше боитесь? Этого типа без сознания или меня с его пистолетом в руке?

– Его... А вы?

– Что – я? – Гриша начал сердиться. Ему, вообще-то, в Москву было пора.

– Вы что с женщинами... делаете?

Он растерялся.

– То есть? А что, можно еще что-то придумать, что с вами делать?

– Вы сказали, что женщин по ночам не насилуете.

– Правильно, – подтвердил Гриша, пытаясь выяснить, трофей какой марки попал ему в руки.

– Знаете, так и напрашивается логичное продолжение вашей фразы: «Я их насилую днем», – женщины видно не было, однако голос ее был Грише более приятен, чем образ ее мысли.

– Идите к машине, – приказал Гриша. – У вас рука в крови. А у меня есть аптечка.

– Да я уже к дому подошла, – возразила она. – Пойдемте, я вас лучше чаем напою.

Гриша понял, что даром теряет время. Нужно домой, в багажнике полтора ляма, настроение ни к черту, в руке пистолет.

– Послушайте, дамочка, я вас к машине приглашаю не из чувства сострадания, а из собственного интереса. Пока вы будете со мной откровенничать в качестве оплаты за небольшую услугу, я вас и перевяжу. А чай я по ночам не пью, у меня гипертензия.

– Это заразно?

– Мэм, вас только что едва не лишили жизни, а вы волнуетесь, не подхватите ли вы через рану на своей руке мое внутричерепное давление.

Собственно, он добился того, чего хотел. Она обмякла, успокоилась и проявила интерес к странному человеку. Женщины – они как дети. Как вторые сразу кладут в рот все, что вызвало интерес, так и первые начинают надоедать, чтобы удовлетворить свое любопытство до конца.

Она двинулась к машине, но при этом Гриша услышал подозрительное фырканье. Такие звуки издает молодая рысь, пытаясь выяснить, что находится у ежа под иголками.

– Вы, наверное, ангел, посланный мне с неба, – говорила она, наблюдая, как мужчина ловко перевязывает ее запястье. – Господи, как я испугалась... Два шага до дома оставалось сделать, можно было и закричать, но горло словно тисками сдавило... Что за жизнь у нас?

– Везде такая, – заметил Гриша. – Одни по ночам в мини-юбках по улицам без фонарей барражируют, а вторые на них, не без оснований, заметьте, пикируют. Ну, вот и все.

– Пойдемте, я вас соком напою! Надеюсь, от сока у вас в висках не стучит?

– А от мужа мне из трофейного пистолета не придется отстреливаться? Или монтировку захватить?

– Не самый удачный способ выяснить, – девушка дернула губами. – Спросили бы просто – замужем я или нет, и я бы ответила: замужем. А вы – пистолеты, монтировки...

Гриша развел руками:

– Знаете, если бы моя жена привела в дом героя, я бы в восторге не был. Впрочем, она бы не привела. Знает, что я – грубое животное, не принимающее высоких позывов, не умеющее тонко чувствовать, не склонное к благодарности.

Она повернула голову в сторону дома, где по-прежнему находился в состоянии комы ходок.

– Да, я ее понимаю... А как она относится к тому, что ее муж по ночам не находится дома?

Гриша пожал плечами:

– Не знаю.

– А вы бы спросили.

– А мне какое дело до того, как она относится к тому, что ее муж по ночам не находится дома? – удивился Гриша.

Гриша смотрел в ее глаза и никак не мог понять, что его слепит – это собственное свечение или просто отражение кухонной лампочки в окне напротив. В глазах стоял вопрос, и он поспешил его снять:

– У меня нет жены. Была подруга, но пару месяцев назад она убежала от меня с интеллигентным, понимающим толк в семейной жизни парнем.

– Не с моим ли?

Гриша посмотрел на звезды. Он приехал сюда не за этим.

– Так как насчет сока?

– Не откажусь. Только нужно сделать одно дело.

Подойдя к мужику, он взял его под мышки и отволок к проходу в ограде. Пока волок, по привычке внимательно рассмотрел. Малопривлекательный тип лет сорока трех – сорока пяти. Определить точнее было трудно, с таким выражением лица обычно хоронят. Положил головой в сторону дороги и вернулся к машине.

Наблюдая за его действиями, женщина несколько раз переступила с ноги на ногу и полюбопытствовала:

– Я могу спросить, что вы делаете?

Гриша пискнул сигнализацией.

– Человек очнется, осмотрится, удивится, выйдет на дорогу и направится к своему дому. Уже утром он будет у врача с просьбой провести ему томографию под эгидой борьбы с провалами в памяти и безосновательными потерями сознания. Он ничего не вспомнит. Как вас зовут-то?

– Кира.

– Так вот, Кира, после таких подарков в голову очень плохо вспоминается то время, когда они были преподнесены. Плюс два часа на релаксацию. То есть последнее, что он вспомнит, это эрекцию, внезапно возникшую во время просмотра телепередачи «Путешествия натуралиста». У вас сок апельсиновый?

Она жила на втором этаже, в уютной двухкомнатной квартире. Родители в Москве, а она сюда приехала продавать квартиру, оставшуюся после переезда родителей. Молодая женщина по имени Кира не замужем. Одним словом, все важные события должны были произойти в будущем. Но не происходили, пока она сегодня не отказалась от приглашения подруги, у которой была в гостях, остаться на ночь.

– Понимаете, Гриша, не могу спать в чужой постели.

– Похвальная для девушки привычка.

Он ходил и рассматривал фотографии, книги, интерьер, смотрел на часы и думал, чего ему будет стоить это маленькое приключение.

Гриша вынул из кармана оружие поверженного любителя ночных забав и как следует рассмотрел. Судя по всему, он заблудился весьма к месту. На его ладони лежал самодельный, уродливого вида пистолет, приспособленный для стрельбы мелкокалиберными патронами. Он не имел предохранителя, и один из патронов был заведен в ствол. Если бы Гриша поехал за долгом не в Ногинск, а в Зеленоград, шансов у девочки было бы немного.

Разряжать этот бластер Гриша не решился. Если сейчас в квартире грохнет выстрел, Кира на кухне обольется не только соком. Кстати, насчет сока. Сок пьется так: поднимаешь стакан, выпиваешь, ставишь на стол, говоришь «спасибо» и уходишь. Можно, конечно, выпить стакана четыре. Но это добавит не больше четырех минут.

Он уже сам не понимал, по какой причине хотел задержаться в квартире.

– Знаете, Кира... Бог с ней, с этой гипертензией. Вы только крепкий мне не заваривайте.

Чай оказался терпким и горячим. Размешивая ложечкой гущу – она сначала подумала, что он опять шутит, прося положить в чашку пять кусочков сахара, – он слегка расслабился. Ровно настолько, чтобы не выглядеть в этой квартире чересчур чужим.

– Гриша, вы летчик?

Гриша перестал растворять сахар.

– Нет еще. А похож?

– Ну, эти выражения... Пикировать, барражировать... Летчиком были, скажите правду?

– Что-то в этом роде, – он облизнул губы и потянулся к прянику. – Был налетчиком, потом стал залетчиком, а сейчас, по всей видимости, – пролетчиком.

Похлопав ресницами, она откусила большой кусок своего пряника и удивилась, едва ворочая языком:

– Почему пролетчиком?

– Да вот только встречу красивую женщину, так сразу возникает потребность спросить дорогу до Москвы. А после этого, сами понимаете... остается только ехать.

Они вернулись в Москву вместе. А через три месяца поженились.

И теперь она уехала с каким-то Жидковым, похваставшись тем, что находится на лайнере. Да, у Гриши лайнера не было. Наверное, это все и решило. Но у него на самом деле не было лайнера. И взять было негде. И не на что.

– Гриша, не гони, понял? – сурово велел Антоныч. – Мне кажется, она просто попросила тебя явиться туда.

– Чтобы выпить мартини с ее чуваком?

– Думаю, чтобы забрать ее оттуда, – сказал Слава. – Столько прятаться, столько... маленько исказить действительность...

– Врать, ты хотел сказать! – крикнул Гриша.

– Да. А в самый последний момент вдруг сообщить тебе о своем местонахождении. Нелогично, правда? А все нелогичности возникают только в момент прозрения. Или дурмана. Кира задурманила давно. Значит, прозрела.

«Ганимед», если верить расписанию, располагал ограниченным количеством свободных мест. Все рвались провести Новый год в плавании. Каюты первого класса, «президентские», «прогулочные». Они выкупили одну трехместную.

– Только не нужно торопиться, – сказал Антоныч. – Здесь охраны больше, чем пассажиров. Что-то не хочется мне купаться в Черном море.

– И камеры наблюдения на каждом углу, – добавил Гера.

«Ганимед» отдал концы точно по расписанию. Гриша понемногу успокаивался, и это заставляло его нервничать. Чем больше он успокаивался по одному поводу, тем сильнее волновался по другому. Мысль об измене Кире его оставляла, рулила теперь другая тема – Киру обижают. Зная, насколько огорчен бывает Гриша, когда обижают Киру, и как последствия этой обиды потом приходится улаживать, Антоныч велел Грише не выходить из каюты до позднего вечера.

Но когда черным стало не только море, но и небо, они отправились в ресторан, чтобы перекусить.

Институт питания путешественников находился на второй палубе. Две трети зала занимали сдвинутые столы, и по сидящим во главе сооружения молодому человеку в костюме дирижера симфонического оркестра и белоснежной красотке становилось ясно, что здесь празднуют свадьбу.

Слава рассмотрел сидящих за столом. Тесть, теща, свекор, свекровь. Муж с женой – чьи-то родственники, их дети. Остальные – вперемежку, разнокалиберные, разномастные и разновеселые.

– Здесь можно задержаться, – заметил Гера, – люблю свадьбы.

Гриша потемнел лицом. Все для него происходило как во сне. Неестественная свадьба в присутствии синтетической елки под потолок, Кира в объятиях хозяина судна, чересчур спокойные друзья... А он хотел просто встать и идти бить всем морды. Но каждый раз, когда он отрывался от стула, на плечо его ложилась тяжелая рука Антоныча. В конце концов, решил Гриша, я обезумел. Им лучше знать, когда нужно идти бить морды. И для порядка он крикнул «горько!» и выпил полстакана финской водки.

Его заметили и поблагодарили.

Потом Гриша крикнул «горько!» еще и выпил снова полстакана. Антоныч его не останавливал. Это лучшее, что можно придумать. Гриша выпьет и уснет. А пока он страдает во сне, можно провести разведку. Гришу снова поблагодарили, на этот раз – со стороны тестя и тещи.

– Поймаю – убью обоих, сука, – пообещал Гриша, наливая сначала себе, потом остальным.

Огни Одессы давно растворились в прохладном воздухе. За этот столик от того свадебного стола принесли бутылку виски. Гриша выпил еще, и дальнейшее он воспринимал как бесконечную ленту событий...

Голос Славы:

– Нужно изучить систему видеонаблюдения. Это возьмет на себя Гера. Я займусь охраной. Где стоят и когда меняются. Антоныч, узнай все о запасных выходах, спасательных шлюпках, где находится каюта хозяина и капитана...

Злорадно выпивая подаренный виски, Гриша продолжал ощущать.

Голос Антоныча воспринимается уже как голос с небес:

– Слава, поброди по палубам, поговори с людьми. Может, что нужное узнаешь...

А Грише фиолетово. Он видел средства пожаротушения за стеклом. Сейчас эти трое улягутся. И он пойдет за топором.

Гриша нашел бутылку, выдернул пробку, выпил прямо из горла и зловещим голосом взревел:

– Сейчас, сейчас, Кира. Я только молодых поздравлю. Вместе с судовладельцем катранам ужин понесете.

Слава, Гера и Антоныч стояли над Гришей. На кровати в каюте он выглядел вполне безобидно.

– Вот поэтому я и не женюсь, – объяснил Антоныч.

Заперев каюту, они разошлись в разные стороны.

Глава 6

На палубе Антоныч решил не светиться. Высокий, крепкого сложения, он выделялся среди пассажиров, как фонарь посреди деревни. Мимо, медленно двигаясь, словно на колесах прокатилась дама лет шестидесяти с пинчером на монументальной груди. Она подмигнула Антонычу, и он, стиснув зубы и сморщившись, как от зловония, отвернулся. Антоныч ненавидел собак, но была причина, которая гасила его неприязнь.

Каждое утро для Антоныча начиналось с сумерек огорчения. Обычно джек-рассел-терьер Витек присваивал только одну тапку. Больше всего ему нравилась левая. Теперь пропали обе. Зная кинологическую особенность Витька уносить в неизвестность вещи при запертой на два замка квартире, Антоныч вздыхал безнадежно и сдавленно. Все, что не удавалось выхватить из пасти алчного Витька до мгновения полного смыкания его челюстей, исчезало навсегда. Так дематериализовались пульт от люстры, кусок принесенной для ужина и предусмотрительно уложенной на холодильник буженины, подаренный влюбливой проституткой Дашей галстук и еще много предметов, воспоминания о которых вызывали чувства противоречивые. За галстук Антоныч Витьку не предъявил, галстук был так себе, но кража с двухметрового холодильника растрогала голодного кардиолога до состояния клекота. Увидев в руке лоха штопор, Витек гулко пробарабанил лапами по паркету и, тревожно шелестя в желудке целлофановой упаковкой, скрылся в том самом ином пространственно-временном континууме, куда обычно уносил навар. Гармонично сочетая в себе клептоманию, систему антизаноса, взгляд академика Капицы и стремительность Астерика, Витек отравлял жизнь Антоныча с последовательностью, свойственной проктологам и судебным приставам.

После развода и ухода бывшей к гениальному, а потому имеющему виллу на Каймановых островах американскому хирургу Гундерсону Антоныч три дня праздновал текилой и диском Стаса Пьехи. Она оставила ему квартиру и любимую собаку. Нужно было оставить что-то одно, но ее месть была жестока. Чисто по-человечески позволив ему оттянуться, через три дня Витек вернул ему прошлую жизнь. Ночью в постели, как и прежде, не доставало женщины, но было много собаки, днем на кухне слышался грохот разбиваемой посуды, а по вечерам, находя в каждом проходящем под окнами угрозу своему жилищу, Витек остервенело лаял. Изменилось только одно. Крал он и раньше, но не в таких потрясающих воображение масштабах.

Антоныч ненавидел Николсона, потому что он был Джеком; Курта, потому что фамилия его была Рассел; белых коров с карими мордами, потому что в масштабе 1:43 и с отпиленными рогами они были вылитый Витек. Достали и прогулки. Пэрис Хилтон с чихуа-хуа Тинкербеллом и кардиолог Антоныч с терьером Витьком представляли собой разные направления. Поменяйся они багажом, скольких друзей потеряли бы в одночасье. Антоныч с Тинкербеллом показался бы всем кардиологом, использующим нетрадиционные методы лечения, а жизнь Пэрис мгновенно скатилась бы в ад. Невыносимо трудно поражать окружающую действительность гламурным обаянием, когда у тебя из-под мышки торчит дециметровый, хотя и розовый, член.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.